

A surreal painting depicting a man in a brown jacket and dark pants standing on a reddish-brown hill. He is looking towards a large tree on the left, whose leaves are made of numerous white papers or documents. The man is holding a small object in his right hand. A large, dark, rounded object, possibly a hat or a bag, is slung over his shoulder. The background shows a vast, hazy landscape with mountains and a body of water under a blue sky with scattered clouds. The title 'Светлая даль' is written in large, white, serif font across the lower part of the image.

Светлая даль

Михаил Чертанов (Михаил Шкабарня) родился в 1959 году. По профессии горный инженер, участвовал в нескольких геологических экспедициях по Кузнецкому Алатау. После окончания института и службы в армии Михаил Викторович 10 лет работал командиром горноспасательного взвода, затем занялся бизнесом и в настоящее время - директор производственного предприятия.

Молодому ростку

Снег на талую землю лёг,
Забелил у ручья мосток,
У заросших речных проток
Камыши нарядил в платок.

У крыльца моего порхал,
Щедро сыпал грусть на порог,
Белой краскою покрывал
Колею полевых дорог.

И с порога знакомый след,
Заметала его пурга.
Сколько в прошлое добрых лет
Уносила под лёд река.

Розовел поутру восток
И будил краснотой ветра
Под растрепанный им платок
Скрип колодезного ведра.

Рассыпай семена с берёз,
Чтобы всходами в новый срок
Из земли молодой росток
Под весенним теплом пророс.

Садам друга

Я видел ширь твоих садов
В разгар весны, когда цветенье.
На удивленье городов
Бог слал тебе благословенье...

С веселых дружеских холмов
Твоя страна манила светом.
И я сорваться был готов
В ту сторону зимой и летом.

Пусть в благодарность сотни слов
Ткут дорогую плащаницу,
И я, как редкий птицелов,
Ловил заветную Жар-птицу.

Казалось, долгие морозы
Загубят вожделенный цвет.
И загубили б, если прозу,
А не стихи читал поэт!

Молитвой песнь моя звучала
Защитой молодым садам.
И вот, природа обещала
Плоды твоих деревьев нам.

Когда ещё слова с любовью
К твоим садам произнесу,

Я следующей плетеной новью
Защиту свежую совью.

Чтобы вся ширь твоих садов
В разгар весны, когда цветенье,
Была для дряхлых городов
Предметом грёз и восхищенья.

Пчела

Солнышко утром к зениту торопится,
Снег на пригорке блестит,
Пчёлка из домика – божья работница
В поле работать летит.

Тёплые ветры цветами повеяли,
Сладким нектаром манят.
И зацвело, что по осени сеяли.
Воздух – густой аромат

Жёлтым цветком распушилася вербочка,
Пчёлку примерную ждёт.
Ласточка с неба весеннюю весточку
Нам с щебетаньем несёт.

Вечер задумчивый быстро приблизится,
Свежесть с логов принесёт.
Верба цветущая, ранняя житница,
Дарит свой вербовый мёд.

Сладок бывает и воск перетопленный
Струйкою телесной бежит.
В свечах церковных фитиль, хлопком сотканный,
Пламенем ясным горит.

Тёплые ветры нектаром повеяли,
Мёдом весенним пьянят.
Всё, что осенние ветры посеяли,
Красками ярко горят.

Пчёлка златистая – божья угодница,
Пусть твои крылья звенят.
И бережёт в алтаре Богородица
Мёдом наполненный сад.

Возвращение

Найдя себе Божественный приют
Поверх глубоко залежавших руд,
Среди вечнозелёных пихтачей,
Под токование влюбленных косачей,

Я дней своих листал календари
От суеты и роскоши вдали.
Пыль городов и шум их зланных рун
Не трогали души крестьянской струн,
И даже очень тихий ход лифта,
И роскошь его стен и потолка,
И отражение серебра зеркал -
На них от ламп весёлый свет играл.
Но всё это обилье красоты
Не трогало уснувшие мечты.
Широкая гостиная у входа
Кричала мне: «Да вот она, свобода!»

Скрипели створки арочных дверей:
«Беги отсюда на простор скорей,

От этих стен и тихого лифта
Туда, где шелестела береста,
Где у дерев торжественная крона
Венчала верх, как царская корона».
Я убегал от этой суеты
Туда, где с ветром дружные листы
Шептали мне, как лучшие друзья,
Ревнуя и в неверности казня.
Стволы бесстыжих липок городских,
Хоть обнимал на улицах глухих,

Когда искал душе своей покой
Среди огней неоновых чужой,
И этих лип стволы, хоть и белы,
Но лишены холщовой белизны.

И нет у них весной, как у берёз,
Без повода ручьём бегущих слёз.
Но к вам вернулся я, и вот она:
Моя от стен свободная страна -

Простор полынных с горечью степей
И чернота в распадах пихтачей!

Зеркало

Напрасно ты ждёшь у холодной стены.
Дни радостных встреч не вернутся.
Что дни, коль минуты уже сочтены,
В осколки они разобьются.
В красивой оправе, в дубовой резьбе
Подарком ты в дом появилось.

Меж грубых портьер на втором этаже
На радость семье поселилось.
И дети, играя, смотрелись в тебя,
Когда примеряли наряды.
Довольна была молодая семья,
Сошлись в небосводе плеяды.
Пылинки сдувая, жалели тебя,
Не всяким сукном протирая,
Фланелью ласкали резные края,
И грани светились, играя.
Хранило ты тайны за блеском стекла,
А видела тайного много.
И лучше немого слуги берегла
Секреты богатого дома.
...Но годы прошли, на втором этаже
Стоишь ты в углу одиноко.
Блестяешь, но новый хозяин уже
Мечтал обновить всё до срока.
Напрасно ты ждёшь у холодной стены,
Дни радостных встреч не вернуться.
Что дни? Ведь минуты твои сочтены -
В осколки они разобьются.

Салаиру

Как давно я не был в Салаиру,
Мне его уж жителем не стать,
В притаёжном городке Сибири,
Больше лиц знакомых не узнать.

Лишь, как прежде, серебрятся ёлки
В молодом заснеженном бору.

Близнецами сосны, как девчонки,
Хороводы водят на яру.

Вот они, совсем не изменились,
Все растут и тянут ветви ввысь.
Вы такими же мне часто снились,
И в любви мне, беглому, клялись.

Дальше пруд с блистающею чашей,
Со скалой кварцитовых пород .
Здесь мы хвастали водою нашей
У резных Гавриловских ворот.

На крещение разливали воду
И крестили в исступленье лоб -
Те, кто в бога и не верил сроду,
Невзирая даже на погоду
И руке несвойственный озноб.

Но пуская стопочку по кругу,
Приходили радость и тепло.
Наплевали мы теперь на вьюгу,
И гуляли холодам назло.

Вьются, вьются мысли вереницей,
И одна всего лишь, как итог:
Сбрызнуть бы тогда святой водицей
Наш больной и старый городок

Может, был бы толк, и он, оживший,
Зазвенел, как в прежние года!
Да и я, так долго здесь проживший,
Все-таки вернулся бы сюда.